

1. 3/3

Сознание возвращалось неровно, кусками, с провалами в несколько часов. В первый раз я открыл глаза под брезентовым потолком медсанчасти и увидел над собой закопченную лампу, край подвешенной простыни и лицо полкового врача, которое успело стать для меня отдельной частью этой войны. Он проверил зрачки, велел молчать, дал воды с привкусом жестяной кружки и сразу ушел к следующему раненому, оставив рядом санитарку с маленькой алюминиевой миской и бинтами. Я попытался спросить про Пстыго, ~~про Савельева, про рапорт~~, но язык плохо слушался, а левая сторона мира по-прежнему была закрыта ватной глухотой. Санитарка наклонилась ближе и сказала, что ~~рапорт передали, командир видел~~, врач ругался, а мне велено лежать ~~и не изображать из себя запасной самолет полка~~.

— Лежать я умею плохо, — сказал я, чувствуя, что голос стал чужим и хриплым.

— Тогда учитеcь, товарищ старший лейтенант, — ответила она, не улыбувшись. — У нас сегодня многие учатся заново.

2. 4/7

Полковой врач вернулся к вечеру, когда за палаткой ~~слышались~~~~тянулись~~ голоса, лязг ведер, короткие команды и приглушенные стоны. Он сел на край пустого ящика, посмотрел на меня без жалости и начал осмотр с той деловой грубостью, которая в полевой медицине заменяет долгие разговоры.

— Голова кружится?

— Меньше.

— Тошнота была?

— Один раз. После воды.

— Вода тут ни при чем. В голову тебя приложило хорошо, плечо тоже. Ребра целы, хотя радоваться рано. Ухо слышит?

— Левое почти нет.

— Значит, лежишь еще сутки. Поднимешься самовольно, привяжу к койке бинтом и напишу рапорт командиру ~~Савельеву~~, что ты не годен к летной службе ~~временнo глупее обычного~~.

— Я все понял доктор! А ~~обычную глупость он уже учитывает?~~

Врач посмотрел на меня внимательнее, затем хмыкнул.

3. 2/9

— Вот теперь похож на летчика. Не полностью, но направление правильное.

Почти сутки меня держали в палатке. За это время я успел понять, что полковая медсанчасть живет с тем же ритмом, что штаб, только вместо телефонных звонков здесь были носилки, миски, бинты, йод, кровь на рукавах и короткие команды санитаров. В дальнем углу лежал стрелок с перевязанной головой и все время просил закурить. У входа сидел техник с обожженными кистями и злился, что его не пускают к машине. Ночью привезли еще двоих, одного сразу унесли за ширму, второго оставили на соседней койке, и он до утра бормотал фамилию штурмана, которого не смог вытащить. Я лежал, смотрел в брезент и пытался выстроить в голове чужую жизнь. Андрей Николаевич Литвиненко, старший лейтенант, командир звена. Полное имя совпадает. Почерк чужой. Подпись чужая. Голос мой и чужой одновременно. Память тела дает вспышки ~~воспоминаний~~, ремни, сектор газа, Семенова с планшетом, белую пятерку на ~~МиГе~~, но не дает привычек, женщин, домашних писем, долгов, старых ссор. С этим багажом предстояло жить среди людей, которые замечали даже ~~другую~~ интонацию.

4. 2/11

На следующий день врач разрешил выйти из палатки ненадолго. Разрешил не сразу. Сначала

проверил зрачки, заставил пройти до входа и обратно, велел поднять левую руку, выругался, когда я попытался сделать это без гримасы, потом ткнул пальцем в сторону поваленного бревна возле санитарной палатки.

— Дальше бревна не ходить. Посидел, подышал, вернулся.

— А если командир позовет?

— Командир уже знает, что я тебя держу **на особом контроле**. Если ему нужен труп с рапортом, пусть сам приходит.

— Он оценит формулировку.

— Мне плевать, что он оценит. Мне нужны живые летчики, а не героические дрова.

Я вышел в серый утренний свет и сел на бревно, придерживаясь здоровой рукой за шершавую кору. Аэродром за сутки изменился. На стоянках стало меньше видимой техники и больше веток. Часть самолетов откатали дальше к лесу, новые щели в земле накрыли жердями и зеленью, возле штаба появились дополнительные кабели, а у дороги стояла полуторка с помятым крылом и пустыми **бочками-канистрами** в кузове. Люди двигались быстрее, говорили тише. Первый шок ушел, оставив усталость и злую деловитость.

5. 3/14

На дальнем краю поля механики возились у Су-2 с пробитой плоскостью; один лежал на земле под мотором, второй держал лист фанеры, третий спорил с вооруженцем из-за ленты к пулемету. У бочки с водой умывался Пстыго. Он увидел меня, вытер лицо **вафельным полотенцемрукавом** и подошел, прихрамывая сильнее прежнего.

— Врач выпустил или сбежал?

— Выпустил до этого бревна.

— Удивительно. Видимо, вчера он устал тебя ругать.

— Ты живой после У-2?

— Живой. Машину осмотрели. Две дырки в перкали, **одну** лонжерон не зацепило, **обе вторую** залатали. Немец зря патроны тратил.

— Немец тратил не зря. Просто ты низко шел.

Пстыго сел рядом, снял пилотку, провел ладонью по коротким волосам и посмотрел на стоянки.

— Низко. А дальше придется еще ниже. Савельев с утра злой. Гудзенко злой. Врач злой. Даже связисты злые, хотя им по уставу положено быть скучными.

— Скучный связист редкая порода.

6. 1/15

— Сейчас **его** увидишь. Сводку должны принимать. Все потянутся к радиомашине. Вчера рупор молчал, сегодня Бердымухамедов обещал наладить.

Я хотел ответить, но заметил движение у стоянок. Сначала пошли техники, потом стрелки, потом штабные, затем из-за палаток начали выходить люди, застегивая ремни и на ходу поправляя пилотки. Никто не бежал. Все шли быстрым шагом в одну сторону, к трехосному грузовику ГАЗ-ААА, стоявшему у края ельника. На высоком шесте возле него висел рупор громкоговорителя, провод от него уходил в кузов, где виднелись серые металлические ящики радиостанции. Рядом с кабиной стоял старший лейтенант, начальник связи нашего полка Сердар Бердымухамедов, худой, темный от недосыпа, с планшетом под мышкой. Он смотрел на людей с таким выражением, словно каждый подходивший лично мешал прохождению радиоволн.

— Сводку сейчас передавать будут, — сказал кто-то за моей спиной.

Голос принадлежал Гудзенко. Он подошел бесшумно для человека в летном комбинезоне, постоял рядом, оценивая мой вид, потом кивнул в сторону радиомашины.

— Идем, Литвиненко. Только без геройства. Если поведет, сядешь прямо там, хоть на землю.

— Врач велел не дальше бревна.

— ~~Врач велел всем нам давно умереть от дисциплины.~~ Пошли. Я рядом буду.

~~Пстыго~~ поднялся вместе со мной.

— Товарищ капитан, ему врач запретил.

— Я слышал. Поэтому ты пойдешь с другой стороны и будешь делать вид, что случайно подставил плечо.

Так мы и пошли. Я между ними, медленно, стараясь не показывать, что каждый шаг отдается в ребра. Люди уже собирались вокруг ГАЗ-ААА. Кто-то стоял на ящике, кто-то **наоборот, присел** на корточках, несколько стрелков сели прямо на траву. Рядом с кузовом полковой радист, молодой парень среднеазиатской внешности, сидел на узком стуле среди ящиков, катушек и проводов. Наушники плотно прижаты к голове, пальцы двигали ручки настройки. На серой панели дрожала стрелка вольтметра, рядом тускло горела лампа. На ящиках были надписи, потертые от дороги и рук: питание, приемник, усилитель. Динамо-агрегат где-то позади грузовика гудел неровно, и возле него сержант крутил рукоять, ругаясь себе под нос.

~~Гудзенко~~ ухватился за край кузова и заглянул внутрь.

8. 2/19

— Ну что у тебя, ~~Саидов~~?

Радист не снял наушники.

— Почти поймал, товарищ капитан. Несущая есть, голос плавает. Дайте минуту.

~~Бердымухамедов~~ поднял голову.

— Минуту он просит с восьми утра. По проводу штаб дивизии молчит, по радио Москва **слышит дышит** через раз, зато все хотят слушать сводку без треска.

— Тебе начальником связи быть нравится? — спросил ~~Гудзенко~~.

— Нравится, когда связь есть.

~~Саидов~~ вдруг снял одну чашку наушников и крикнул наружу:

— ~~Рахимов~~! Землю проверь у усилителя! Не руками трогай, провод смотри!

Крик получился такой громкий, что возле штабной палатки обернулся часовой. **Сердар** посмотрел на радиста с усталой гордостью.

— Вот сейчас пойдет. Основной принцип связи снова сработал.

~~Гудзенко~~ повернул голову ко мне.

— Какой еще принцип?

9. 8/27

Я не удержался.

— Чем громче крикнул, тем дальше слышно.

~~Пстыго~~ фыркнул. ~~Бердымухамедов~~ сначала хотел обидеться, потом махнул рукой.

— Летчики думают, что связь сама из воздуха **берется**. Когда им надо прикрытие, они почему-то кричат громче всех.

— Мы кричим от культуры, — сказал ~~Гудзенко~~. — ~~Саидов~~, давай культуру в рупор.

Рупор щелкнул, захрипел, выдал длинный скрип, от которого люди поморщились, затем из него пошел шум далекой передачи. Собравшиеся притихли. Кто-то снял пилотку. Кто-то, наоборот, крепче надвинул ее на лоб. Я вдруг ощутил, насколько для них важен этот голос. В моем времени новости жили **можно сказать в кармане**, на экране смартфона, **в ленте, в бесконечном потоке чужих сообщений**. Здесь один рупор на грузовике становился единственной **нитью** к **людям**, к фронту, **Москве, правде или тому, что сейчас разрешено считать правдой**. Шум усилился, потом прорезался голос Левитана, твердый, знакомый мне с записей, но для этих людей живой и сегодняшний.

— От Советского ~~информбюро~~! В течение двадцать **четвертого** июня наши войска, отходящие на новые позиции, вели упорные арьергардные бои, нанося противнику большие потери...

10. 5/32

Люди слушали почти без движения. Левитан говорил о Шауляйском направлении, о Луцке, о районе Львова и Минска. На этих словах я увидел, как Савельев вышел из ельника и остановился у края толпы. Он был в гимнастерке без ремня, с расстегнутым воротом, но при пистолете. Рядом стоял Орлов с блокнотом, чуть дальше ефрейтор-связист, тот самый, с черными пальцами. Все ждали юга. Все хотели услышать, что здесь, на их направлении, все еще держится.

— На Кишиневском направлении войска Красной Армии продолжают успешную борьбу с немецкими и румынскими войсками, противодействуя их продвижению на восток, — прозвучало из рупора. — По уточненным данным, в боях на этом направлении уничтожено до пяти тысяч солдат противника. Наша авиация громит вражеские подразделения, не давая им наступать дальше.

Кто-то рядом выдохнул с облегчением. Молодой техник шепнул соседу, что значит, держим. Стрелок с перевязанной рукой усмехнулся и сказал, что били утром не зря. Пстыго смотрел в землю. Гудзенко не улыбался. Савельев слушал **замерев с неподвижным лицом**, и по нему было понятно, что сводка для страны и сводка для командира полка существуют рядом, но живут разной жизнью. Я смотрел на лица людей, на их **короткую надежду**, на желание услышать простую линию: враг **наступаетидет**, но мы держим, и скоро отбросим.

11. 7/39

Мне хотелось, чтобы они получили **еёэто** хотя бы на **ближайшие суткиминуту**. Я знал, что впереди будет слишком много отступления, окружений, **дорог, забитых людьми и потерянных городов**. Здесь это знание было тяжелым **грузом на душепредметом в кармане**, который нельзя достать перед всеми.

— Веришь? — тихо спросил Пстыго, не глядя на меня.

— Верю, что наши дерутся, — ответил я.

— Я не про это.

— Остальное сейчас не нам решать.

Он покосился на меня, хотел спросить еще, но в это мгновение звук рупора дрогнул. Саидов в кузове дернул ручку настройки. **Сердар** повернулся к агрегату. С запада **пришел гул**, сначала слабый, потерянный в шуме **дизелька**, потом более плотный, с нарастающей металлической жилой. Несколько человек подняли головы раньше остальных. У меня правое ухо поймало этот звук через треск репродуктора. **Левое молчало, но** тело уже знало, что за этим последует. Гудзенко выпрямился.

— Тихо.

12. 2/41

Рупор продолжал говорить голосом Левитана, но вокруг уже происходило другое. Савельев поднял руку, требуя тишины. Дальний наблюдательный пост ударил в пожарный колокол. Звон пошел над аэродромом неровно, **с паническим металлом**. От штаба кто-то крикнул:

— Воздух! С запада!

Второй крик перекрыл первый:

— Мессеры!

Гудзенко схватил меня за плечо, не рассчитал и попал по ушибу. Я дернулся, но он уже тащил меня к канаве у **радиомашин**.

— В укрытие! Пстыго, бери его!

Пстыго поднырнул мне под здоровую руку.

— Ноги переставляй, Андрей Николаевич, сейчас не время изображать столб.

Люди вокруг рванулись в разные стороны. Техники бросились к стоянкам, кто-то побежал к самолетам, кто-то к щелям у леса. Саидов в кузове сорвал наушники, но **начальник связи** толкнул его обратно.

13. 4/45

— Аппаратуру выключаай! Питание снимай! Быстро!

— Рупор?

— К черту рупор, приемник спасай!

Первый немец прошел над аэродромом на большой скорости, не пикируя до земли, а ~~устемившись прижимая атаку~~ к стоянкам. Пулеметы ударили почти сразу. По краям поля вспыхнули винтовочные выстрелы, затем справа заработала счетверенная установка «Максимов», сухо, злым непрерывным треском. Красноармейцы в траншеях и щелях били вверх из винтовок, кто-то палил из ручного пулемета с колена, хотя дистанция и скорость почти не ~~давали~~~~оставляли~~ шанса ~~попасть по самолету~~. «Мессер» прошел над верхушками, сбросил бомбу ~~или вынудил~~ очередь, и за палатками поднялся столб земли.

Мы успели рухнуть в неглубокую траншею рядом с ~~радиомашинной~~. Пстыго лег сверху боком, прикрывая меня от осыпавшейся земли, затем сразу скатился в сторону.

— Живой?

— Пока да.

— Лежи.

14. 3/48

Второй самолет зашел ниже. Я увидел его между ветками, серый, быстрый, с желтым носом. Он шел на стоянки, где два Су-2 еще стояли под ветками. ~~Гудзенко~~, лежавший в той же траншее чуть дальше, поднял голову и выругался сквозь зубы.

— К машинам не успеют.

Возле стоянок метались люди. Один техник пытался оттолкнуть бочку с бензином, другой бежал к самолету, застегивая на ходу комбинезон. Пулеметы били с земли, но немец держал курс, равнодушный к россыпи огня из окопов. Очередь прошла по кромке стоянки, разрывая ветки,

~~обшивку~~~~нержаль~~, доски. Потом ударило ~~за спиной~~, ближе к складу горючего. Земля под траншеей дернулась, сверху посыпались иголки, сухие комья, щепка. Сразу потянуло гарью и бензином. Над деревьями поднялся огонь, сначала низкий, затем высокий, с черным дымом.

— Склад ГСМ! — закричали от стоянок. — Машины убирай! Машины оттаскивай!

Савельев появился у края траншеи, без фуражки, со шлемофоном на голове, в одной гимнастерке, с пистолетом в руке. ~~Не стреляющим, командирским, для указания направления~~. Он махнул в сторону горящего склада.

15. 6/54

— Первую полуторку оттащить! Бочки в канаву! Людей от огня убрать! ~~Сердар~~, радиомашину ~~спасай живой оставь!~~

— Приемник цел! — крикнул ~~он~~ из-под кузова. — Усилитель, кажется, задело!

— Потом будешь его жалеть. ~~Саидов~~ где?

— Здесь я! — отозвался радист из травы. — Ногу зацепило, но ходить могу!

~~Гудзенко~~ выскочил из траншеи, пригнувшись, и побежал к стоянкам. ~~Пстыго~~ дернулся за ним, но я схватил его за рукав.

— Ваня, третий заходит!

Он замер на полушаге, повернул голову. С запада действительно шел еще один самолет, ниже и медленнее, выбирая цель. ~~Гудзенко~~ тоже увидел, упал в ближайшую щель. Третий «мессер» прошел вдоль стоянки техники, очередь разорвала борт полуторки, ~~щепки~~~~осколки~~ досок полетели в сторону палаток. Лошадь у санитарной повозки сорвалась, ~~но~~ ее удержали двое бойцов, почти повиснув на поводьях. Установка «Максимов» захлебнулась, потом снова заработала. Немец дернулся вверх, не выдержав плотного огня ~~или закончив заход~~. Еще один взрыв ударил дальше, за штабным ельником, где стояли запасные ящики и часть имущества.

16. 13/67

Через несколько минут налет закончился. Звук моторов затих и удалился на западе, растворяясь в общем гуле фронта. На аэродроме остался беспорядок, который сначала казался полным разрушением, а потом начал распадаться на задачи. Там горит склад. Есть там раненые. На одном краю летного поля там повреждена радиомашинка. На другом там надо убирать бочки. С одного там с самолета сорвало маскировку. Где-то там перебит кабель. На самолетной стоянке там лежит человек возле капонира. Команды пошли одна за другой, короткие, хриплые, злые.

— Санитары сюда!

— Воду на ГСМ не лить, землю давай!

— Ленту к «Максимама»!

— Носилки к третьей стоянке!

— Радио кто проверит?

Я выбрался из траншеи сам, пока Пстыго отвлекся. Земля качнулась, но устояла. Возле ГАЗ-ААА Саидов сидел, держась за голень. На штанине расплзалась кровь. Начав с ефрейтором уже лезли к ящикам радиостанции, проверяли кабели, разъемы и крепления. Рупор на шесте висел перекошенно, провод оборван, один из изоляторов разбит. Гудзенко шел от стоянок, рукав комбинезона порван, лицо в саже. Савельев стоял у штаба, вытирая лицо тыльной стороной ладони. Его фраза прозвучала тихо, почти для себя, но рядом ее услышали все.

17. 5/72

— Вот и наш полк получил по зубам.

Никто не ответил. Рядом тлел горел остаток маскировки, и молодой техник сбивал огонь шинелью. Из медсанчасти выносили раненого, врач шел рядом и ругался на санитаров, требуя держать голову. На месте, где люди недавно слушали Левитана, валялась пилотка, осколок серой панели, обрыв провода и чья-то кружка, раздавленная колесом. Я видел все это слишком ясно. Рупор

молчал. Голос страны оборвался на середине сообщения, и теперь каждый слышал только свой аэродром.

— Литвиненко! — крикнул врач от санчасти. — Я тебя где оставил?

— У бревна в траншее, — ответил я.

— Сейчас отправлю обратно туда же, только глубже.

— Позже.

— Ты издеваешься?

— Нет. Я пока стою.

Он хотел подойти, но в этот момент к нему подвели радиста Саидова, и врач переключился на него живую кровь.

18. 4/76

У штаба собрались Савельев, Гудзенко, Орлов, Бердымухамедов, начальник БАО, вооруженец и еще двое командиров, чьи фамилии я пока не знал. Все были в пыли, копоти, с порванными гимнастерками и глазами людей, которым только что показали цену плохой маскировки. Гудзенко докладывал первым.

— На третьей стоянке один Су-2 поврежден, левая плоскость в хлам порвана, мотор вроде цел.

Второй получил по хвостовому оперению... — он споткнулся на слове, бросил взгляд на Савельева и поправился: — По задней части фюзеляжа и рулю. Техники смотрят. Один механик ранен.

Начальник связи сказал, не дожидаясь разрешения:

— Радиостанция частично уцелела жива. Приемник цел, питание проверяем, усилитель громкоговорителя поврежден, внешний провод оборван. Связь с дивизией полевой линией по-прежнему рвется. Если дадите людей, восстановлю громкую связь за час, может быстрее.

Начальник БАО, круглолицый капитан с обожженной бровью, докладывал о горячем.

— Склад ГСМ зацепило. Две бочки сгорели, одну оттащили, еще три откатали в канаву. Машины

частично целы. Полуторку у радиостанции посекло, но ход, кажется, есть.

19. 3/79

Савельев слушал, не перебивая. Потом посмотрел на ельник, на стоянки, на черный дым над складом ГСМ и сказал:

— Этот аэродром засвечен. Немцы дорогу найдут второй раз быстрее. Уходим на запасную площадку.

Орлов открыл блокнот.

— Товарищ подполковник, запасная у балки на восток, дорога после дождя плохая. Тяжелое имущество сразу не вывезем.

— Сразу вывезем летные машины, горючее, боекомплект, связь и людей. Остальное потом. Если останется что вывозить.

Гудзенко кивнул.

— Летные машины рассредоточить еще до перегонки. Поврежденные прикрыть и готовить к буксировке и ремонту.

Бердымухамедов мрачно посмотрел на радиомашину.

— Если сейчас сниму станцию, час потеряю на демонтаж. Если не сниму, потеряю станцию при втором налете.

— Снимай, — сказал Савельев. — Саидова замени. Он раненк врачу.

20. 7/86

Саидов, сидевший на ящике, возмутился:

— Товарищ подполковник, я могу работать.

— ~~Можешь~~ молчать и держать ногу выше. Бердымухамедов, убери его от аппаратуры, пока врач не начал стрелять глазами.

Разговор шел быстро. Все понимали необходимость передислокации ухода. Но я стоял, смотрел на

стоянки, на обгоревшие ветки, на разбитый рупор, и в голове складывалась другая мысль. Немцы видели аэродром. Они ударили по радиомашине, ГСМ и стоянкам. Если площадка просто опустеет, второй налет может уйти на поиск новой. Если площадка останется действовать жить внешне, с ложными самолетами, следами, дымом, макетами, часть внимание противника можно удержать здесь. В моем времени это было почти азбукой маскировки. В 1941-м тоже умели делать ложные позиции, ложные батареи, макеты, костры, следы колес. Вопрос был не в идее. Вопрос был в том, сумею ли я высказать ее без лишней умности из будущего.

— Товарищ подполковник, разрешите предложение.

21. 8/94

Савельев повернулся ко мне медленно. Врач у санчасти тоже услышал и поднял голову.

— Ты еще здесь?

— Да.

— Плохо. Говори, раз уж стоишь.

— При уходе с площадки имеет смысл создать оставить здесь ложный аэродром. Не пустую поляну, а видимость нашей активности работы. Макеты самолетов из жердей, перкали, фанеры, веток. Несколько ложных стоянок. Следы от колес от проезда протанцировать грузовиком. У ГСМ оставить контролируемый дым, без горючего рядом. Радиомашину убрать, но поставить пустой кузов или простой макетнит под масксетью. Немцы уже знают место и могут вернуться. Пусть потратят следующий заход впустую на пустое.

Орлов поднял глаза от блокнота. Гудзенко тоже посмотрел внимательно. Бердымухамедов сразу понял свою часть и поморщился.

— Пустой кузов под радиостанцию я найду. Только настоящий кабель мне не режьте. Могу дать битые изоляторы и обрывки, чтобы выглядело убедительно.

Начальник БАО сказал:

— Фанеры мало. Жерди есть, веток сколько угодно. Перкаль с поврежденных пробитой машины можно дать, если техники не убьют.

Гудзенко потер подбородок.

— Макеты Су-2 в полный размер быстро не сделаешь.

— В полный не нужно, — сказал я. — С воздуха на скорости важны пятно, размах, тень, стоянка, подходы людей, следы колес. Сломанные машины можно не прятать до конца, наоборот, часть показать. Добавить пару ложных капониров. Только людей держать в стороне. Движение имитировать до ухода последней машины, потом оставить наблюдение из леса.

Савельев молчал. Его глаза не потеплели, но стали рабочими.

— Откуда такой опыт-такая умность, Литвиненко?

Вопрос ударил сильнее, чем хотелось. Я уже ждал его.

— На учениях делали ложные стоянки, товарищ подполковник. Еще в училище показывали. И вчера немцы били по тому, что увидели. Сегодня можно дать им увидеть лишнее.

23. 3/100

Гудзенко поддержал неожиданно быстро:

— Идея здравая. Если вернутся, ударят по старому месту. У них тоже пилоты не боги, с ходу отличать макет от настоящего самолета под ветками от машины трудно.

Бердымухамедов добавил:

— Рупор все равно разбит. Поставлю его на шест обратно, провод дам пустой. Пусть думают, что радиоточка жива.

Орлов уже записывал.

— Нужны люди, полуторка, топоры, пила, перкаль, пустые бочки, битые щиты.

Начальник БАО кивнул.

— Дам одну полуторку, если водитель не убит. Людей дам десять, больше не могу. Еще возьмите тех, кто к летной работе полету не годен.

Врач рявкнул от санчасти:

— Литвиненко к полету не годен. И к макетам тоже.

Савельев посмотрел на него, потом на меня.

24. 9/109

— Летать ты сегодня не будешь, да и завтра тоже. Спорить бесполезно. Но голова у тебя, похоже, еще работает. Получишь людей и одну полуторку. Руками сам не работаешь, только командуешь показываешь. Пстыго, приставь к нему кого-нибудь, чтобы не свалился в канаву.

Пстыго вздохнул.

— Я сам подстахую пристанусь. Все равно мне У-2 пока латают.

— Гудзенко, выдели ему двух техников из своей эскадрилии, которые по ремонту фюзеляжа и крыльев понимают форму машины. Бердымухамедов, передай ему весь радиомусор под ложную связь. БАО даст жерди и негодные бочки. Орлов, запиши приказ: основная эвакуация на запасную площадку, на старой организовать ложные стоянки и имитацию радиоточки. Наблюдение оставить скрыто, людей под удар не подставлять.

— Есть, — сказал Орлов.

Врач подошел ближе, злой и усталый.

— Товарищ подполковник, я протестую.

— Протест принят. Он не таскает бревна, не бежит, не летает. Сидит и командует наложкой.

— У него сотрясение.

25. 8/117

— У нас у всех сотрясение, доктор. Просто у него медицинское.
Врач посмотрел на меня.

— Упадешь второй раз, я тебя уже ни у кого спрашивать не буду.

— Не упаду.

— Это ты вчера уже показывал всем.

Пстыго взял меня под локоть.

— Пошли, начальник ложного аэродрома. Только без речи перед личным составом. Скажешь, где жерди класть, и присядешь отдохнуть.

Я посмотрел на аэродром. На черный дым у склада ГСМ, на поврежденный рупор, на людей, которые снова начинали шевелиться двигаться по приказам, на Савельева, уже отдающего распоряжения, на Гудзенко, бегущего к стоянкам, на Саидова, спорящего с санитаром из-за своей раненной ноги аппаратуры. Я не знал, поможет ли ложная площадка. Не знал, вернутся ли немцы через час или найдут запасной аэродром раньше нас. Не знал, сколько самолетов доживет до вечера. Зато у меня появилась первая задача, не связанная с попыткой вспомнить чужую жизнь или спрятаться за ударом по голове.

26. 5/122

Простая, земная, почти ремесленная задача: представить врагу картинку, за которую он заплатит временем и боеприпасами.

— Ваня, — сказал я, когда мы пошли к полуторке, — для начала нужны длинные жерди, обрывки перкали, две пустые бочки и люди, которые умеют делать вид, что работают.

— Последних у нас много, — мрачно ответил Пстыго. — Но сейчас все настоящими заняты.

— Тогда возьмем тех, кто ругается громче. Для ложного аэродрома это почти квалификация.

Он коротко усмехнулся, впервые за все утро без злости.

— Ты странный стал, Андрей Николаевич. Но иногда от этой странности есть польза.

Я промолчал. На этот раз ответ был лишним.